

ВЛАДИМИР
КОЩЕЕВ

КОРСАКОВ
ТОМ 3

Владимир Кощеев Корсаков. Том 3

<https://litres.ru/74700483>

SelfPub; 2026

Аннотация

Балы, красавицы, дуэли, кутежи? На что ещё тратить вторую молодость, переродившись в семье дворянина императорской России XXI века?

Увы, целитель не может не помогать, иначе его дар угаснет. А стоит спасти не того, как окажется, что теперь ты под прицелом.

Одного не знают враги: жизнь и смерть - две стороны одной монеты.

Я Иван Корсаков, и одной рукой я исцеляю, а второй - забираю жизни.

Ну что, господа, поиграем? Угадай, в какой руке...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Владимир Кощеев

Корсаков. Том 3

Глава 1

Центральное отделение жандармерии.

Дверь в кабинет приоткрылась, и вошедшая молодая унтер-офицер, переступив порог, поклонилась.

— Ваше императорское высочество, Ларионов доставлен, — сообщила блондинка.

— Спасибо, Верочка, сейчас пойдём, — ответила Анна Павловна, не отрывая взгляда от монитора, на котором что-то читала.

Родная сестра великого князя, курирующего жандармерию, редко пользовалась своим положением. Однако никому в ведомстве и в голову бы не пришло оспаривать её право здесь находиться и работать. Формально Анне Павловне Долгоруковой никто подчиняться не должен был, однако Виктор Павлович однажды уже задал вопрос своему подчинённому, почему запрос его сестры был проигнорирован. Больше подобных инцидентов не случалось.

— Всё, я готова, — с милой улыбкой объявила Анна Павловна, выключая компьютер. — Проводишь старушку, Верочка?

Унтер-офицер снова поклонилась.

— Никакая вы не старушка, ваше императорское высочество. Вам ещё жить и жить, — возразила она.

— Эх, был бы твой отец постарше, я бы, может, ещё раз замуж вышла, — с родительским теплом в голосе вздохнула Долгорукова. — Вон какая у него ладная дочурка выросла. Ну, пойдём.

Вера Дмитриевна пошла впереди, ведя великую княгиню по коридорам жандармерии. Они быстро спустились в подвал, и Анна Павловна практически мгновенно перестала понимать, где именно они находятся. Если бы не гвардейцы Долгоруковых, стоящие на каждом повороте, может быть, она бы и переживать начала.

Ведущая её унтер-офицер же думала о том, почему именно её затребовала себе её императорское высочество. Да, отец был знаком с великой княгиней и по страшному секрету, когда считал, что умирает от болезни, рассказал дочери о том, как однажды чуть не стал великим князем. Однако говорить об этом, а тем более показывать свою осведомлённость перед самой Анной Павловной, Вера не собиралась.

Карьеры строятся трудно и долго, а вылететь со службы можно по щелчку пальцев. Великая княгиня не просто милая старушка, приветствующая всех улыбкой и всегда находящая слова для того, чтобы подбодрить. Да, она добра и открыта к окружающим... Ровно до тех пор, пока ты не угрожаешь каким-либо образом правящему роду. Женщина, кото-

рая официально курировала благотворительные фонды Долгуриных, была страшна в гневе. Как бы не страшнее её императорского величества Железной Екатерины.

И интерес со стороны великой княгини откровенно напугал унтер-офицера.

— Мы пришли, ваше императорское высочество, — объявила Вера Дмитриевна, открывая одну из совершенно одинаковых на первый взгляд дверей. — Прошу.

Внутри оказалось помещение куда более мрачное, чем кабинет, в котором ранее сидела Анна Павловна. Суровый угольный цвет стен, прикрученный к полу металлический стол с несколькими стульями. И зеркало – матовое, отражающее помещение, но при этом создающее впечатление, что допросная меньше, чем есть на самом деле.

Нашлось место и четырём камерам по углам, конечно же. И бойцу в полной экипировке, застывшему у сидящего на стуле мужчины.

За столом, прикованный к столешнице, сидел Илья Григорьевич Ларионов. Его взгляд чуть плыл, но всё же, когда Анна Павловна переступила порог, бывший глава корпуса целителей поднял голову и осознал, кто перед ним.

— Ваше императорское высочество.

Он попытался встать, но фиксаторы на руках не позволили этого, потому мужчина лишь склонил голову.

— Верочка, — обратилась к унтер-офицеру её императорское высочество, — принеси мне водички, будь добра.

— Конечно, ваше императорское высочество, — отозвалась та и с радостью покинула допросную.

Влезать в интриги такого уровня и слушать, о чём будут говорить между собой первые лица государства? Нет уж, спасибо. Хватит и того, что коллеги видели, как Вера Дмитриевна Воронина сопровождала великую княгиню. Это само по себе улучшит отношение на службе со стороны других офицеров. Но совать голову в придворные склоки? Жизнь дороже.

Если чему-то и научил Веру Дмитриевну рассказ отца о том, как он провёл ночь в покоях великой княгини — так это тому, что наутро он первым же делом исчез из её жизни и никогда не вспоминал о случившемся. И только потому дожил до старости.

— Ну что же, Илюша, — ровным тоном, совсем не тем, каким только что разговаривала с унтер-офицером, проговорила Анна Павловна, садясь напротив Ларионова. — Теперь, когда нам никто не мешает, рассказывай, наконец, кто же приказал тебе делать всё то, что ты делал?

* * *

Особняк дворянского рода Корсаковых, кабинет главы рода. Иван Владимирович Корсаков.

— Думаешь, это хорошая идея?

Вопрос матушки был ожидаем. Как и то, что я не собирался скрывать от неё просьбу Василия Алексеевича. Анастасия Александровна глава рода, теперь — графского, и ута-

ивать от неё информацию мог только полный дурак.

— Если совет рода уже приговорил Алексея Максимовича к смерти, наше вмешательство может положить начало конфликту, — продолжила матушка.

— Вот именно поэтому и нужно поддержать Василия Алексеевича, — кивнул я. — Лопухины сейчас выпали из политики, делят власть внутри рода. И что выкинет Василий Алексеевич, никто не знает. Он в отчаянии и способен на всё.

— Хм? — с сомнением выдала матушка.

— Кроме того, что Алексей Максимович будет нам обязан за своё спасение, есть и другая причина помочь ему. Знакомый враг лучше неизвестного. От него хотя бы понятно, чего ожидать. А нам только что передали собственность Лопухиных во владение. Да, формально имение принадлежало Шереметевым. Однако мы же не верим всерьёз, что у Лопухиных не возникнет идей, как расширить свои активы? Алексей Максимович мог принимать удары судьбы стойко – вон он сколько лет положил на то, чтобы его сын стал потенциальным императором. При всём том, что я осознаю, насколько он опасен и влиятелен, глава рода Лопухиных – человек последовательный и рассудительный. А что мы знаем о членах его рода, главах боковых ветвей? Что они есть, и всё на этом.

Анастасия Александровна покрутила в руках перьевую ручку, не глядя на меня.

Не хотелось мне напоминать матушке о её бывшем муже, однако без этого именно сейчас никак не обойтись. Увы, история с папашей закончится, вероятно, только после его смерти. Я не верю, что он перестал играть и влезать в долги, ludomaniya просто так не проходит. А значит, рано или поздно, но его всё равно прикопают в каком-нибудь леске Подмосковья.

— Василий Алексеевич предложил мне информацию, о местонахождении отца, — добавил я и тут же заметил, как напряглась матушка. — Конечно, я отказался от этой сомнительной радости. Однако сам факт, что наследник рода этой информацией обладает, наталкивает на определённые мысли.

Глава рода встряхнулась и взглянула на меня чуть потемневшим взглядом.

— Какие же? — спросила она.

Я побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, в котором сидел, и вздохнул.

— Что, раз они всё это время знали, где он, — произнёс я, — значит, Алексей Максимович за ним следил. Спрашивается, почему его вообще волновала судьба твоего мужа и нашего отца? Я вижу только два варианта: либо для того, чтобы при необходимости с его помощью надавить на тебя, вернув бывшего супруга; либо для того, чтобы продать нам месть.

Матушка задумчиво смотрела на меня несколько секунд.

— Ты полагаешь, что я выскочила замуж под влиянием,

— озвучила она результат своих размышлений.

— В Выборге я столкнулся с одной особой, — кивнул я.

— Её даром был животный сексуальный магнетизм. Не будь я целителем, оказался бы в её постели раньше, чем сказал «Мама». И вот я подумал, раз есть одна такая дамочка, способная по щелчку пальцев заполучить любого мужчину, почему бы не существовать мужчине, который может затащить в койку девушку? Ты до встречи с отцом была крайне разумной, молодой и красивой перспективной невестой. Но вот рядом с тобой появляется папаша, и ты сходишь с ума от любви, выскакиваешь за него замуж, рождаешь детей... И все наши активы разлетаются в виде оплаты долгов.

Это сейчас Анастасия Александровна Корсакова – серьёзный целитель, которого ещё постараться нужно пробить неким воздействием. А в те годы, когда ей самой было восемнадцать, о защите со стороны дара можно было и не говорить. Опять же, графиня Осколкина воздействовала на меня, я это чувствовал, но где гарантия, что это не следствие моего более взрослого мышления.

Мне ведь не восемнадцать лет ментально.

— Я посмотрел документы тех лет довольно давно, но прекрасно помню, что основным выгодоприобретателем от этих операций выступал род Лопухиных. Такое бывает, подумал я тогда, они серьёзная фамилия, которая часто скупает активы, род Лопухиных наращивает влияние, постоянно приобретает что-то, к тому же их сын – будущий император.

Но вот Василий Алексеевич сказал об отце, и я подумал...

— Что изначально свести меня с вашим отцом была идея Лопухиных, — договорила за меня матушка, поняв, к чему я веду.

Я кивнул, не став оспаривать очевидное.

Если бы Василий Алексеевич не сказал, я бы, конечно, тоже не отказал ему. Потому как давал слово, что он и его свита могут обращаться ко мне за помощью целителя. Однако теперь, когда я знаю о том, что Лопухиным всё было известно — это уже дело принципа.

Если Алексей Максимович виноват в том, что случилось с Корсаковыми, я хочу лично пожать ему горло. Не накрыть подушкой умирающего, милосердно отправив на тот свет, а собственными руками сделать так, чтобы он пожалел о свершённом.

Да, я не самый добрый на свете человек. Но как-то и плевать, я не червонец, чтобы нравиться всем.

Конечно, существовала отличная от нуля вероятность, что Василий Алексеевич напряг свои связи, чтобы выяснить информацию о моём отце — просто ради того, чтобы был предмет для торга. Однако я видел его состояние, он практически не в себе, и если верить «будущему императору», то выходит, что и его распоряжения никто бы выполнять не стал.

Первое, что я бы сам сделал на месте совета ветвей — отрезал наследника от любой помощи и власти. И несмотря на

то что я не знаю людей, вошедших в этот совет, я знаю об Алексее Максимовиче достаточно, чтобы осознавать — дураков среди них быть не может.

— Ты хочешь потребовать у главы рода Лопухиных ответ в обмен на жизнь? — уточнила матушка.

— Я не хочу, чтобы история повторилась, — кивнул я. — А потому мне нужно знать, мам.

Она несколько секунд смотрела на ручку, которую крутила в пальцах.

— Хорошо, Ваня. Но пообещай мне, что будешь крайне осторожен.

Я улыбнулся в ответ и склонил голову.

— Обещаю, матушка.

* * *

Кремль, личные покои великого князя Виктора Павловича.

Хозяин гостиной развалился в кресле, рассматривая отчёты о прошедшем допросе. Его сестра с бокалом воды в руках сидела напротив с закрытыми глазами. На лице Анны Павловны царило спокойствие, и можно было бы решить, что она спит, но великая княгиня периодически посматривала на настенные часы.

Наконец, Виктор Павлович отложил записи и хмыкнул.

— Ну что же, всё, как мы и думали, — сказал он. — Даже удивительно, что ничего нового выбить из него не удалось.

— А меня это, наоборот, порадовало, — ответила ему

сестра. — В кои-то веки жандармерия работает так, как ей положено. И, кстати, новый состав, судя по всему, слишком сильный. Либо на этот раз переборщили с дозировкой — к концу второго часа у Ларионова уже язык заплетался.

— Это я приказал увеличить дозировку, — пояснил Виктор Павлович. — Посмотрел, знаешь ли, как выглядят жертвы Ивана Корсакова, и подумал, что лучше будет перестраховаться. Ты ведь прекрасно представляешь, что случилось бы, если бы Ларионов сохранил свой дар и атаковал тебя. А так у него даже выбора особого не было.

Целителей невозможно отравить. Так, по крайней мере, считается. Однако на самом деле в каждой стране имеются специальные составы, работающие против любого одарённого. Власть не терпит, когда на неё покушаются считающие себя неуязвимыми маги. А потому были проведены эксперименты, подобраны дозировки. Так что схема воздействия имелаась для каждого известного дара.

— Кстати, зачем тебе нужна была та девочка? — спросил великий князь. — Или я чего-то не знаю, и на самом деле Воронина может претендовать называться Долгоруковой?

Учитывая, что на момент связи с отцом Веры Анна Павловна не состояла в браке, такой вариант был возможен. Анна Павловна вынашивает ребёнка, передаёт отцу и тот растит дочь до определённого возраста. И всё это время пользуется покровительством великой княгини. Неоднократно случавшаяся история.

Великая княгиня взглянула на брата с усмешкой.

— Думаешь, раз я спала с её отцом, так Верочка – моя тайная дочурка?

— По возрасту подходит с твоим затворничеством, — пожал плечами Виктор Павлович. — Я, конечно, знаю, что ты просто хандрила и сидела взаперти без посторонних. Но мало ли...

Анна Павловна покачала головой.

— Нет, Витя. Верочка мне нужна для другого. Ты вот не в курсе, а она, между прочим, когда с Корсаковым встрети-лась, ему свой номерок сунула, — пояснила Долгорукова. — И знаешь, кто мне об этом нашептал? Её же собственный подчинённый заложил, как только я вошла в жандармерию.

— Мы для того и платим людям, чтобы они держали нас в курсе, — ничуть не удивлённый, равнодушно пожал плечами Виктор Павлович. — Так и что? Ты хочешь их свести?

— Почему нет? — усмехнулась великая княгиня. — Иван мальчик хороший, но он молод, и ему требуется физическая близость. С Осколкиной он спать не стал, но это он даже молодец, на ней клейма негде ставить. А вот Воронина – красива, молода и с кристально чистой репутацией. Такая любовница будет ему к лицу. Не пускать же его, в самом деле, обратно к простолюдинкам.

Брат тяжело вздохнул.

— Ну что ж, допустим, Корсаков даже согласится, хотя я в этом откровенно сомневаюсь, но что ты будешь делать,

когда Дашка узнает?

— У них было достаточно времени и возможности всё сделать в Выборге, — отмахнулась Анна Павловна. — Я с ней и там поговорила, и здесь ещё обсужу этот вопрос пару раз. А то, похоже, её мать совсем ничего своей дочери о реальной жизни не рассказала. Не удивлюсь, если она верит до сих пор, будто её отец только Катку и раскладывал.

Великий князь покачал головой с неодобрением.

— Ты слишком форсируешь события, Аня, — сказал он. — Но действуй, я препятствовать не буду. Кстати, почему ты решила поставить Корсакову на место Ларионова?

— Это был логичный ход, Витя, — пожала плечами великая княгиня. — Настя на деле доказала, что может то, что недоступно Илье. И она — наш человек, всегда им была. Тебе ли не знать?

Долгоруков чуть нахмурил брови.

— Слышать об этом не хочу, — произнёс он.

— Главное, чтобы об этом её сынок не прознал, — усмехнулась Анна Павловна. — Иначе вот тогда он действительно обидится. Кстати, тебе уже доложили, что он встречался с младшим Лопухиным и вёл беседу в машине Васи?

Виктор Павлович кивнул.

— Доложили.

— Что-то будем делать?

— Зачем? Ивану нужно обрастать собственными должниками. Помощь Лопухиным выведет Корсаковых из-под уда-

ра. А когда Алексей Максимович придёт в себя, о троне он уже думать не станет — ему придётся восстанавливать собственные позиции внутри рода. А мы получаем нужный нам аргумент, который окончательно отдалит Василия от Дашки. Ведь не может семья, в которой только что едва не случилось убийство между своими же, претендовать на престол. Ведь если Лопухины среди своих такие фортели выкидывают, чего от них ожидать, когда они с правящей семьёй породнятся?

Великая княгиня отсалютовала ему бокалом с водой.

— И слава богу, Витя, — произнесла она. — И слава богу. Если бы этого покушения не случилось, его стоило бы организовать самим.

Виктор Павлович улыбнулся сестре в ответ.

Глава 2

Дворянский особняк рода Корсаковых. Иван Владимирович Корсаков.

Я натянул на себя сорочку и, поправив манжеты, накинул сверху форменный китель. Можно было бы заявиться к Лопухиным в обычном костюме с гербом рода, но зачем? Василий Алексеевич собирался провести меня тайно, но это не значит, что я буду по их особняку слоняться впрысядку, боясь попасться на глаза местным.

Да и как наследник рода мог бы провести меня так, чтобы никто не узнал? Ладно, если у него есть верные люди в доме, ведь тот же водитель, который подвёз Лопухина на встречу со мной, исполнял приказ Василия Алексеевича. И то я не уверен, что о нашей встрече совет ветвей не узнал.

Мне, на самом деле, ничего не угрожает, даже если меня внезапно обнаружат у постели больного. Я не Лопухин, и мне знать о внутренних распрях клана не положено. А вот вызов от друга, на приёме которого я во всеуслышание объявлял, что ко мне можно обращаться и на чьей дуэли я присутствовал, заодно ещё и жизнь спас – совершенно обыденное явление. Меня могут попросить покинуть дом, обратиться к матушке за разъяснениями, но и только.

Трогать целителя, который к тому же сын главы корпуса целителей, друг наследницы престола и буквально на днях

был награждён графским титулом за спасение её императорского высочества? Ну, совет Лопухиных, конечно, может попробовать, но кончится это для них плачевно. А ведь им ещё власть делить, а значит, так или иначе враждовать друг с другом.

Так что не думаю, что кто-то так лихо подставится. Ведь на него остальные члены совета спихнут всю вину, лишь бы поделить новую долю.

Застегнув китель, я поправил волосы и двинулся на выход. Особняк ещё спал, однако дежурная горничная уже ждала меня с бумажным стаканчиком кофе.

— Ваше сиятельство, — с поклоном вручила мне напиток она.

— Спасибо, — кивнул я.

Было заметно, что наши люди искренне радуются успеху рода Корсаковых. И произносят «ваше сиятельство» с гордостью. Да, конечно, вместе с нами приподнялся и их собственный престиж, и жалованье, ведь графские служащие по определению должны получать больше, чем просто дворянские, но дело-то в человеческом отношении в первую очередь. Большинство из тех, кто служит у нас в особняке — это те же самые люди, кто прошёл с Анастасией Александровой через темнейшие для Корсаковых времена. И теперь, видя, что всё, наконец, налаживается, они действительно радуются.

И это было чертовски приятно признавать.

Во дворе уже рычал двигателем автомобиль с гербом семьи. Семён кивнул мне и открыл заднюю дверь. Я опустился на сидение, воткнул стаканчик в подставку, достал телефон и ещё раз перечитал сообщение.

Лопухин В. А.: *Доброе утро, Иван Владимирович, я жду вас в квартале от нашего дома. Геолокацию прилагаю. Заедем на территорию особняка на нашей машине. В доме я ещё не появлялся со вчера, так что ни у кого не вызовет подозрений моё раннее возвращение.*

Корсаков И. В.: *Еду.*

Семён отпустил тормоз и прибавил газу, лихо выкручивая руль. Машина рывком сорвалась с места, выскочила за ворота и, быстро набирая скорость, понеслась в нужном направлении. Ехать предстояло не слишком близко, так что следовало поторопиться.

Потягивая кофе, я смотрел на медленно просыпающуюся столицу. Конечно, часть населения уже встала и ехала на службу, однако до часа пик было ещё порядочно времени. Так что поток был несущественным, и Семён ловко лавировал между полосами, не снижая скорости.

Телефон завибрировал в руке, привлекая внимание, и я разблокировал аппарат.

Неизвестный номер: *Здравствуйте, ваше сиятельство. Вас беспокоит Воронина Вера Дмитриевна, унтер-офицер жандармерии Москвы.*

Память сразу же подкинула картинку со свёрнутой запис-

кой. Надо же, неужели не дождалась, когда я сам напишу, и решила взять быка за рога? Впрочем, я ничего против общения с унтер-офицером не имел. Да и вряд ли она решила наладить со мной отношения, отличные от рабочих.

Корсаков И. В.: *Доброе утро, Вера Дмитриевна.*

Собственно, больше писать и не стоило. Дал понять, что на связи, а там пусть сама решается сказать, зачем мне пишет. Время раннее, до начала служебного дня пока ещё далеко, а значит, она либо возвращается с ночного дежурства и написала, чтобы я прочёл, когда проснусь, либо уже выполняет какое-то поручение.

— До прибытия пять минут, ваше сиятельство, — доложил Семён, сворачивая в нужный квартал. — Вы уверены, что не требуется сопровождения?

— Сам справлюсь, — покачал головой я, после чего немного подумал и добавил: — Но двигатель на всякий случай не глуши. Если вдруг увидишь, что что-то пошло в особняке Лопухиных не так, ты знаешь, что делать.

Он кивнул.

— Доложу охране и вашей матушке, а потом вламываюсь на территорию и прорываюсь к вам, — сказал он.

— Нет, никаких прорывов, — возразил я. — Просто ставишь машину так, чтобы я мог быстро в неё нырнуть. А потом выжимаем полный газ и едем напрямик к дому, никуда не сворачивая.

Охранник, который переквалифицировался в моего лич-

ного слугу ещё в Выборге, кивнул, не став спорить. Он не одарённый, и если полезет под огонь, мне придётся его вытаскивать, а не о себе думать.

Целителя сложно убить, меня вон снайперы никак прикончить не могут, куда там мелкокалиберным автоматам, которыми вооружают охрану в городских особняках. Раньше-то могли из штуцеров палить, дырявя стены и кроша всех, кто попался пуле на пути. Однако законы поменялись, теперь в черте города строго регламентирован калибр, которым могут быть снабжены охранники.

Иметь тяжёлую военную технику не возбранялось, но только для аристократов, владеющих землёй в собственности. И держать все эти броневики можно лишь за городской чертой, а за каждый случай, когда твоя машина пересечёт границу, последуют жесточайшие штрафы вплоть до полного запрета на владение такой техникой.

Несложно догадаться, что подобное наказание работает прекрасным сдерживающим фактором. Это в столице благородные фамилии вынуждены интриговать, вести подковёрные игры и ни в коем случае не действовать в открытую. Но в той же Сибири, где медведь прокурор, никто возмущаться не станет, если пара родов проведёт между собой маленькую войну. Конечно, если не пострадают простолюдины. А уж какое кровавое месиво замешивается на Аляске, и представлять страшно.

— Принял, ваше сиятельство, — кивнул Семён и припар-

ковал автомобиль на обочине. — Прибыли.

Я выглянул в окно и сразу же заметил бывшего секунданта Лопухина. В тот раз мы так и не познакомились, однако имя его я узнал. Нас же допрашивали на месте, так что из памяти ещё не выветрилось.

Масленников Филипп Глебович махнул мне рукой, и я выбрался из автомобиля, не забыв прихватить с собой недопитый кофе. Свитский Василия Алексеевича поприветствовал меня рукопожатием.

— Доброе утро, Иван Владимирович, — проговорил он. — Время, конечно, не подходящее, но позвольте поздравить вас с графским титулом.

— Благодарю, Филипп Глебович, — ответил я.

Он провёл меня между домами. Машина Лопухиных была припаркована на параллельной улице. У меня даже мелькнула мысль, что Василий Алексеевич делает так постоянно. Когда на нас с Всеволодом Серафимовичем нападали наёмники, люди Лопухиных тоже были через дом от места действия.

Сам наследник рода не вышел наружу, но через открытую заднюю дверь я его увидел. Масленников сопровождал меня до автомобиля и, кивнув Василию Алексеевичу, закрыл за мной. Лопухин же протянул мне ладонь.

Выглядел он при этом куда лучше, чем при нашем разговоре у корпуса целителей, не иначе, потратил время, чтобы отоспаться в гостях у Масленников — во всяком случае, мы

сейчас как раз рядом с их домом находились.

— Спасибо, что откликнулись, Иван Владимирович, — произнёс Лопухин.

— Я целитель, это мой долг, Василий Алексеевич, — произнёс я, отвечая на рукопожатие. — Едем?

Тот кивнул, и машина резво тронулась с места. Я бросил взгляд в окно, наблюдая за тем, как мой собственный автомобиль с Семёном за рулём тронулся параллельным курсом.

— Совет думает, что я всю ночь пил в компании Филиппа Глебовича, — поделился Василий Алексеевич. — Не буду скрывать, мы многое с Масленниковым делали, так что никто и не удивится, что именно у него я решил провести ночь.

Я промолчал, а Лопухин продолжил говорить, не обращая на меня внимание.

— В последнее время нашу семью стали постигать одни неудачи, — поделился он. — Мы с отцом считали, что это просто рядовые трудности. Даже проверяли своих родственников, и ничего не нашли. А теперь эти твари решили, что главу рода можно убить, а меня сбросить со счетов! Мерзкие прихлебатели, возомнившие, будто солнце светит миру из их задниц! Но ничего, как только поставим отца на ноги, я обязательно с каждым из них разберусь.

Я никак не реагировал на его слова, лишь контролировал, чтобы с «императором» не случилось припадка. Он, может быть, и отдохнул сегодня ночью, однако легче ему не стало, состояние Лопухина больше походило на некую форму

неконтролируемой одержимости. И я понимал, что его мир в одночасье рухнул, явив свой звериный оскал, но не бросать же его теперь? Сбили с Василия Алексеевича розовые очки, но он это переживёт, если не свихнётся на почве мести и ненависти.

Так что я немного подправил его гормоны, и Лопухин заметно успокоился. Переведя на меня взгляд, он коротко кивнул.

— Спасибо, Иван Владимирович. Мне тяжело держать себя в руках.

— Пустяки, Василий Алексеевич, — ответил я. — Много сил это у меня не отнимет, но присмотреть за вами я вполне могу. Да и сегодня у меня выходной, так что можете не переживать — пока я рядом, вам ничего не угрожает.

На его лице возникла кривая ухмылка, но развивать тему было некогда — мы прибыли.

Столичный особняк Лопухиных был всё таким же, каким я его запомнил по приёму. Вот только в этот раз я чувствовал, что людей внутри почти нет. Либо они все собрались в другом конце территории, где мой дар уже не доставал. Впрочем, так даже лучше, чем меньше нам станут мешать, тем проще будет работать.

— Следуйте за мной, Иван Владимирович.

Ступая за Василием Алексеевичем, я ловил присутствие нескольких человек в коридорах особняка, но они явно занимались своими делами, если судить по положению тел и

работе мышц. Горничная собирала пыль пипидастром, слуга складывал дрова у камина.

Но вот мы дошли до дверей, перед которыми застыла пара бойцов в уже знакомой мне униформе. При виде наследника они склонили головы, меня даже взглядом не удостоили.

— Никого не пускать, — велел Василий Алексеевич. — Целитель будет работать, спасая главе рода жизнь. И любой, кто попытается помешать — предатель и убийца. По возможности стреляйте по конечностям.

Понятно, почему он не приказывает убивать на месте. Всё-таки речь идёт о родне, и Алексей Максимович наверняка порадует, если сынок предоставит ему в полное распоряжение людей, которые хотели помешать лечению главы рода. Интересно, как скоро Лопухины прибудут, и не пошлют ли силовой кулак, чтобы смести охрану особняка и решить дело не ядом, а пулей.

— Будет исполнено, — хором отозвались бойцы.

В спальне главы рода находился только один человек. Я уже ощущал его состояние, и мир смазлся, утрачивая реальные черты. Ещё немного, и я буду видеть лишь то, что показывает мне целительский дар.

Направляясь сюда, я испытывал лёгкое сомнение. Подозревая Лопухина в том, что случилось с нашей семьёй, я мог оказаться в ситуации, когда дар не откликается на состояние Алексея Максимовича. Однако ничего такого не было, передо мной был классический пациент, и его нужно было совер-

шенно классически лечить.

Глава рода Лопухиных выглядел откровенно плохо. Медиков к нему наверняка тоже не пускали, иначе кто-то из докторов обязательно бы заметил, что картина клиническая для отравления. Даже внешнего осмотра было бы достаточно, чтобы определить причину. Но я не следователь, мне выяснять ничего не нужно, только убрать последствия.

— Прошу, Иван Владим... — начал было наследник рода, но я прервал его взмахом ладони.

— Начинаю диагностику, — озвучил я. — Соблюдайте тишину.

К чести Василия Алексеевича, он не стал возмущаться, а, наоборот, отошёл к двери и вогнал в паз мощный засов. И это – в придачу к нескольким замкам. Сама створка тоже далеко не простая, там сталь в ладонь толщиной. Не удивлюсь, если и стены совсем не бетонные на самом деле.

Встав рядом с больным, я приступил к работе.

Опыта у меня было немного, конечно, по сравнению с тем же Метёлкиным или матушкой. Однако здесь и сейчас я уже видел, каков был результат воздействия на главу рода Лопухиных. Алексей Максимович был без сознания, но всё равно испытывал боль – его организм буквально светился от множественных очагов. Почки и печень хоть сейчас вынимай и выбрасывай – обычной медициной там уже нечего спасать.

— Надо же, — произнёс я, рассматривая получившуюся картину.

— Что там? — нетерпеливо спросил Василий Алексеевич.

— Ваш батюшка жаловался на боли в животе?

— Нет, он только всё реже приходил в сознание.

— Значит, это не простой мышьяк, — кивнул я. — Или до определённого момента его защищал родовой дар. Вы же одарённые?

Василий Алексеевич кивнул, но после подтвердил голосом. Я-то к нему спиной стоял, и потому не мог видеть, но чувствовал.

— Значит так, — объявил я. — Почки и печень вашего отца фактически мертвы, я выращу новые из его же клеток. Ногти, волосы — это мелочи. Гораздо страшнее, как могло проявить себя повреждение мозга. Я его выправлю до нормального, однако это не гарантирует, что ваш отец очнётся тем же человеком, который впадал в кому. Понимаете, Василий Алексеевич?

Я услышал, как заскрипели зубы Лопухина за моей спиной.

— Я найду их, отец, — прошептал он.

Я приступил к исцелению. Сдерживаться здесь было не нужно, ведь других пациентов не предполагалось, но я всё равно не стал просто заливать тело пациента силой. Вместо этого работал, как полагается обученному целителю — методично, размеренно, не разбрасываясь магией во все стороны.

Прошли те времена, когда я лечил, выдавая всё, что у меня есть. Если главу рода травят специальным составом на

мышьяке, чтобы тот раньше времени себя не проявил, значит, всё в роду Лопухиных крайне плохо, и до физического столкновения совсем не так далеко, как я думал изначально.

Работа продвигалась неспешно. Решив не мелочиться, я попросту уничтожил один орган, после чего на полученной силе выращивал новый по образцу, который теперь мог подбирать значительно легче, чем когда работал с глазом Инны Витальевны. Так что за какой-то час напряжённого использования дара я накопил только физическую усталость.

— Всё, — объявил я. — Приступаю к регенерации мозговых тканей. В остальном ваш отец совершенно здоров, Василий Алексеевич. Пожалуйста, сейчас мне потребуется максимальная концентрация.

Я чувствовал, как расслабился наследник рода. То ли он не понял, какие могут быть последствия, то ли просто радовался тому, что отец хоть в каком-то виде будет жить после моего лечения.

Я сбросил китель и закатал рукава сорочки. В помещении поддерживалась комфортная температура, однако я уже весь пропотел от напряжения. Каждая мышца моего собственного тела болезненно ныла от нагрузки. Но я как-то уже и привык к такому эффекту, когда гоняешь одновременно и позитивную, и негативную энергию через себя.

Стоило мне приступить к работе над мозгом пациента, как на грани восприятия появились новые люди. Я отметил это краем сознания, однако прерывать процесс не стал, сейчас

даже малейшее отвлечение может привести к ошибке.

Насмотревшись на то, как выглядят и ощущаются мозги людей, я уже держал в голове некий эталон, по которому и правил повреждения от мышьяка. Не будь Алексей Максимович одарённым, он бы так долго не протянул. Что бы ни послужило причиной изначальной слабости, отравы этот фактор усугубила. И даже кома – всего лишь способ организма защититься.

Где-то на фоне прозвучали крики, но я просто отметил этот факт, не прерываясь. Сила утекала из пальцев, постепенно наращивая клетки там, где их приходилось заменять. Процесс двигался крайне медленно, магия уходила по капле, и теперь мне приходилось расходовать собственные запасы.

Грохнул выстрел за пределами комнаты, но я не прерывался, чувствовал, что за моей спиной что-то делает Василий Алексеевич.

Зелёное свечение прекратилось, и я коснулся лба лежащего на постели мужчины.

— Просыпайтесь, Алексей Максимович, — сказал я. — Ваш сын нуждается в вашей помощи.

Лопухин открыл глаза мгновенно. Быстро окинув взглядом комнату, он за пару секунд осознал происходящее, а раздавшийся за дверью грохот стрельбы заставил помолодевшего мужчину подорваться на постели.

— Иван Владимирович, я перед вами в долгу, — заговорил он и тут же бросил сыну: — Третий ящик слева.

Василий Алексеевич выдернул нужную часть мебели, и часть стены сместилась, открывая проход в секретный тоннель. Нет, определённо, у Алексея Максимовича есть чему поучиться.

— Иван Владимирович, — обратился ко мне глава рода. — Как много времени у меня есть?

— Пока вас не убьют, или не умрёте от старости, — ответил я. — Вас травили каким-то хитрым соединением мышьяка. Я убрал всё воздействие яда, однако не могу гарантировать, что ваш мозг пережил это без последствий. Впрочем, вам ни один целитель этого не скажет, только время...

Он нетерпеливо прервал меня взмахом руки, а затем взял с прикроватной тумбочки телефон.

— Вася, бери его благородие, и уходите через тоннель. Я останусь здесь, — приказал глава рода. — Раз посмели напасть, значит, всё очень плохо, но я им покажу, почему именно я старший в клане!

Я кивнул Лопухину, не став поправлять очнувшегося пациента. Он сейчас на волне эмоций, ему всё равно. А что обратился ко мне не так, как положено, так и ситуация не самая стандартная. Потом, если выживет, извинится — в этом я уверен.

Мы с Василием Алексеевичем прошли по тоннелю и вышли в подземный гараж. По пути слышались выстрелы, крики людей. Я чувствовал, как умирают люди вокруг, но вмешиваться не спешил. Во-первых, это были бойцы Лопухи-

ных, во-вторых, я понятия не имел, кто из них на нашей стороне.

— Я буду вам должен до гроба, — шепнул мне Василий Алексеевич.

Я лишь головой качнул, подходя к воротам гаража. Лопухин открыл створку, и пока она поднималась, он уже сел за руль автомобиля с гербом рода.

— Я своим ходом удалюсь, — сообщил я. — Можете за меня не опасаться, Василий Алексеевич, целителя не так уж и просто убить.

Он явно сомневался, но всё же кивнул и первым выехал из гаража. Ворота особняка были выбиты нападавшими, они бросили машины, и сейчас «императору» ничего не мешало уехать через пролом. А стоило ему скрыться за забором, на территорию влетел Семён.

С визгом шин он встал боком, и я нырнул на заднее сидение. А стоило мне захлопнуть за собой дверь, как автомобиль рванул на улицу. Я же откинулся на спинку и достал телефон.

— Не ранены? — уточнил водитель.

— Нет, никому до меня дела не было, — ответил я и приклонил телефон к уху. — Mam, доброе утро, я закончил. Что у нас на завтрак?

Глава 3

Дворянский особняк рода Лопухиных, спальня главы рода.

Первое, что сделал Алексей Максимович, когда за сыном и целителем закрылась дверь потайного хода, попытался призвать дар. Он уже представил, как одним рывком схватит разумы всех, кто присутствует в особняке, а затем пройдёт по ним, с лёгкостью отделяя верных от предателей. И на этом всё нападение кончится, ведь невозможно сопротивляться воле разъярённого менталиста.

Однако вместо магии старший Лопухин нащупывал лишь пустоту. Словно он никогда и не был никаким одарённым, способным сварить мозги врага, стоит тому лишь вступить в зону контроля.

— Твою мать, — зло выдохнул Алексей Максимович.

Зол он был на ситуацию в целом, но эта злость не была направлена на Корсакова за неправильное лечение. Если бы мужчина был таким идиотом, готовым винить в своих проблемах других, обязательно бы решил расквитаться с Иваном Владимировичем. Но нет... Это не Корсаков поил его ядом, не Корсаков напал на его дом.

Ох не зря Алексей Максимович решил, что такого целителя нужно держать поближе к себе. И теперь Лопухины Корсаковым сильно должны. Ведь что может быть важнее соб-

ственной жизни? Если бы Иван Владимирович не согласился помочь, сейчас бы глава рода всё ещё лежал в своей постели, изображая овощ.

Сжав телефон в руке, Алексей Максимович набрал нужный номер. Аппарат отказался соединяться – карточка оказалась заблокирована.

— Подготовились, твари?

Была вероятность, что дар ещё вернётся. В конце концов, Корсаков понятия не имел, что его пациент – сильнейший менталист Российской империи. И потому даже прогнозов по этому поводу дать не мог. Но, учитывая, как пришлось выложиться для оформления самоубийства Шереметева, дар мог и вовсе не вернуться в принципе безо всяких ядов.

Отбросив бесполезный телефон, глава рода Лопухиных подошёл к шкафчику. Открыв нужный ящик, он стал перебирать точно такие же аппараты один за другим. Не может быть так, чтобы дорогие родственнички заблокировали ему все карты!

Однако каждый последующий телефон показывал ровно ту же картину – номера просто не регистрировались в сети. Алексей Максимович почувствовал, как злость плавно переходит в ярость. Наконец, он взял последний аппарат, и на губах Лопухина возникла улыбка.

— Так и знал, что вы не всё раскопали, неблагодарные твари.

Набрав номер, он дождался, когда абонент на том конце провода возьмёт трубку. Номер был для охраны незнаком, ведь раньше использовался только для контактов с сомнительными людьми.

— Витя, это я, — ровным, спокойным голосом объявил глава рода.

— Алексей Максимович?! — не смогли скрыть удивления на том конце.

— Всё потом, Витя, на особняк напали. Я в безопасной комнате, но какие-то упыри воюют снаружи, срочно собирай всех и иди сюда. Я ещё не настолько восстановился, чтобы отбиваться сам, а охранников надолго не хватит.

— Выезжаю, Алексей Максимович.

В трубке раздались короткие гудки, и глава рода положил аппарат обратно в ящик. Теперь оставалось только ждать. Попасть внутрь спальни, стены которой могут сравниться с противоракетным бункером, было невозможно, так что за свою безопасность старший Лопухин не переживал. Однако время... Если напавшие сообразят, что его отсюда не выкурить, они могут сбежать и потом маскироваться под верную дружину.

Время тянулось, и Алексей Максимович понял, что вообще не ощущает никаких последствий от комы, в которой, судя по дате на экране телефона, провёл несколько недель. Что дар не откликался — не так страшно, сейчас было важно разобраться, где он, будучи менталистом, допустил такой про-

мах, что собственные сторонники обернулись против него.

Или всё по той причине, что почуяли кровь, вот и решили воспользоваться случаем? Что ж, печально, но он переживёт потерю некоторой части родственников. Слишком много воли им дал, слишком много власти. И, как показала практика, они эту проверку не прошли.

— Я всё равно до вас доберусь, — пообещал старший Лопухин, доставая из очередного ящика пистолет.

Когда явится подкрепление, он ударит из своего укрытия. Можно было бы бежать, как Василий, но тогда нападающие точно разбегутся, как крысы, а допускать этого Алексей Максимович не собирался.

Врагов нужно давить сразу же, как только они показывают своё истинное лицо. Пусть у него и нет сейчас магии, но не даром единым жив человек.

* * *

Некоторое время спустя.

— Скажи мне, Никита, — войдя в кабинет, обратился к сидящему в кресле двоюродному племяннику, — ты летал в Архангельск, ты посетил родного папашу?

Родственник, облагодетельствованный главой рода, поспешно затряс головой.

— Нет, Алексей Максимович, даже не собирался.

Старший Лопухин для поддержания образа не до конца поправившегося человека опирался на трость, проходя к своему креслу. При каждом шаге он изображал боль, кото-

рой на самом деле не испытывал.

За прошедшие часы он уже убедился – Корсаков действительно полностью исцелил его. И теперь даже за убийство генерал-губернатора, на котором было многое завязано для благополучия Лопухиных, не получалось сердиться. Дар, правда, так и не вернулся, как будто его никогда не было.

Но зато Корсаков сделал то, что не удалось больше никому – он дал Алексею Максимовичу возможность вернуть контроль над своей жизнью и родом. Увы, нападавшие оказались людьми Лопухиных, но... из Архангельска.

Вот так ты вставляешь палки в колёса своему дорогому братцу, не подпуская его к губернаторскому креслу, а тот в ответ посылает против тебя отравителей и убийц. Что примечательно – остальные главы ветвей, не обладающие семейным наследием, подставились под влияние Даниила Романовича Лопухина.

Который явился лично, как только глава рода слёг, и промыл мозги всему совету ветвей, приперевшись на собрание под предлогом беспокойства о будущем клана. И эти идиоты не пристрелили его в аэропорту!

— Тогда объясни мне, кто слил ему информацию, — усевшись на сидение и с явным облегчением отодвигая трость, проговорил Алексей Максимович. — Всё началось после того, как ты слетал в Архангельск, и я хочу знать, как так вышло, что стоило тебе вернуться в Москву, как дела Лопухиных пошли под откос.

Никита совершенно не умел скрывать собственные эмоции. Чтобы понимать, что творится у него в голове, не требовалось быть менталистом. Молодой человек был напуган и всерьёз опасался за собственную жизнь. Трое глав младших семей сегодня своих уже лишились за предательство, ещё один отправился в жандармерию – принимать на себя всю вину за преступления, которые раскопали Долгоруковы.

Присоединяться к их числу Никита Даниилович желанием не горел.

— Я не знаю, Алексей Максимович! — воскликнул он. — Я правду говорю, пожалуйста, вы же можете определить!

Глава рода несколько секунд смотрел на своего двоюродного племянника, после чего кивнул.

— Вижу. Но это значит, что в твоём окружении нашлась крыса, которая слышала, что ты говорил выбранному нами будущему супругу Светланы. Я даю тебе три часа, Никита, и мне всё равно, чью голову придётся рубить – твою или того ублюдка, который нас сдал, — огласил своё решение Алексей Максимович, после чего улыбнулся и спросил: — Чего же ты сидишь? Время пошло.

Двоюродный племянник сорвался с места и вылетел из кабинета пулей, а глава рода откинулся на спинку кресла и включил компьютер. Предстояло разобраться, что Лопухины потеряли, пока он был без сознания.

И придумать, как теперь это всё вернуть.

* * *

Ясеново, лечебница графов Корсаковых. Иван Владимирович Корсаков.

Я вышел из машины и окинул взглядом фасад имения.

Когда-то давно оно явно было любимым местом обитания благородной семьи. Оформление, прошедшее реставрацию, отсылало к древней эпохе, однако было заметно, что это не более чем дань прошлому.

Небольшое здание о трёх корпусах, выполненное буквой П, красовалось розоватым оттенком стен, роскошные лестницы, ведущие к центральному входу, были выложены новомодным мрамором. При этом главный корпус лечебницы имел всего один этаж, что на самом деле совершенно не удивляло – палаты располагались в другом корпусе.

На крыльце меня уже ждала унтер-офицер Воронина. Увидев, что я смотрю в её сторону, Вера Дмитриевна улыбнулась и, цокая каблуками форменных туфель, быстро спустилась ко мне по ступенькам.

— Ваше сиятельство, спасибо, что откликнулись на мою просьбу о встрече, — убрав выбившуюся из высокого хвоста прядку, произнесла она.

Форменный китель на ней был расстёгнут, короткая юбка на грани приличия, обнажающая длинные ноги. Воронина была красива, и если в первую нашу встречу я просто любовался ей, как любят пейзажем или картиной, то теперь её появление в моей жизни вызывало вопросы.

— Сложно отказать такому очаровательному созданию,

— с улыбкой ответил я, после чего предложил унтер-офицеру локоть. — Пройдёмте?

Она с готовностью взялась за мою руку, и мы вместе направились обратно вверх по лестнице. Семён за моей спиной вдавил педаль, заставив автомобиль рыкнуть, и отъехал в сторону. Пара бойцов охраны двигалась за мной на небольшом отдалении.

Матушка была права — после того, как я сегодня вмешался в дела Лопухиных, следовало побережься. Однако я не верил, что кто-то из совета ветвей решится мстить мне, когда Алексей Максимович снова на ногах и готов вырывать своё голыми руками. Не тот человек отец «будущего императора», который спустит подобную наглость со стороны своей родни.

А значит, Лопухиным в целом будет не до Корсаковых.

— Я попрошу вас уделить мне несколько минут для приватного разговора, — шепнула мне на ухо Вера Дмитриевна.

— С радостью выделю их для вас в своём плотном расписании, — ответил я.

Двойные двери усадьбы открылись, и нас с поклоном встретил охранник. Оружия на виду он не держал, однако это ни о чём ещё не говорило. В мире полно таких штук, существование которых ты не заподозришь до того момента, когда тебя из них продырявят.

— Ваше сиятельство, — поприветствовал меня мужчина. — Дружинин Назар Иванович, начальник охраны. Наш за-

ведущий распорядился встретить вас и проводить до его кабинета. К сожалению, сам Марк Миронович сейчас на обходе и вернётся только через час. Но если желаете...

Я остановил его жестом.

— Я не спешу, Назар Иванович, — проговорил я. — Отрывать человека от исполнения его служебных обязанностей — это просто чудовищное нарушение регламента. Как заведующий освободится, мы пообщаемся с ним в его кабинете. Торопиться ни к чему.

Дружинин бросил взгляд на держащую меня за локоть Воронину, но все вопросы придержал при себе.

— Тогда прошу за мной, заодно расскажу, что здесь и как, — предложил он.

Что можно сказать об обстановке внутри? Конечно, это был уже не XVIII век, старую мебель давно заменили современными изделиями. Оборудование тоже на острие прогресса — очевидно, Шереметевы не жалели средств, вкладываясь через свои фонды в усадьбу.

Всё начальство располагалось именно в главном корпусе, которое когда-то и служило жилым для Лопухиных. Однако сегодня нам никто не встретился, что было, в принципе, ожидаемо. В отличие от медиков, администрация лечебницы работает по графику.

Всего, судя по плану эвакуации, который попался нам на пути, имелось восемнадцать кабинетов. В здании была сделана перепланировка, но каждый кабинет занимал достаточ-

ную площадь, чтобы в нём было комфортно работать. Обстановка в них тоже была предельно функциональная, но не спартанская. Каждому начальнику была положена своя приёмная с кофемашиной наготове.

Начальства не было, так что и секретари на постах отсутствовали. Зато пока длилась экскурсия, мы встретили трёх подчинённых Назара Ивановича. И наконец добрались до логова заведующего лечебницей.

— Прошу, ваше сиятельство, — проговорил Дружинин, своим ключом отперев магнитный замок, — располагайтесь. Если вам что-то понадобится, вы можете вызвать меня по коммуникатору, — он указал на вмонтированный в стол пульт. — Как только Марк Миронович освободится, я сразу же вам сообщу.

Я кивнул ему, и начальник охраны поспешил оставить меня с унтер-офицером наедине.

Кабинет заведующего действительно мог позволить не просто сидеть, а именно располагаться. Мягкие кресла, удобный стол для совещаний, целый бар на любой вкус по одной стене, бесконечные папки по другой. Никакой развлекательной литературы, разумеется, но впечатление, что работать в роскошном месте Марк Миронович приспособился, создавалось.

Я подошёл к окну, выходящему во внутренний двор имения, и, задёрнув шторы, повернулся к Ворониной. Оперевшись руками на спинку кресла заведующего, я кивнул ей.

— Итак, Вера Дмитриевна, вы просили меня выделить вам время, и, как выяснилось, у вас есть час, — объявил я. — Чем могу быть вам полезен?

Она тряхнула головой, лёгким движением руки распуская волосы так, чтобы они рассыпались по плечам, затем сбросила китель на ближайшее к себе кресло. Всё тепло во взгляде испарилось, и теперь унтер-офицер смотрела на меня без капли какого-либо удовольствия.

— Знаете, Иван Владимирович, — проговорила она, — когда я оставляла вам свой номер, вы произвели на меня впечатление хорошего человека. Однако вместо того, чтобы позвонить мне и отказать, вы использовали влияние, чтобы затщить меня в постель... Это крайне низкий поступок.

Признаться, от этих слов мне показалось, что у меня проблемы со слухом.

— Пожалуйста, Вера Дмитриевна, остановитесь, — выставив ладонь, проговорил я. — Я понятия не имею, что сейчас происходит. Но вы, очевидно, сердитесь на меня, хотя я ничем не мог вызвать ваш гнев. Да, у меня был ваш телефон, и вы мне понравились. Но если бы я действительно хотел чего-то такого, мне бы не пришлось никакое влияние использовать. О чём, собственно говоря, вообще речь?

Воронина ничуть мне не поверила. Интересно, откуда такая убеждённость, что я последний подонок, который принуждает женщин?

— Как иначе великая княгиня узнала, что я давала вам

свой номер? — спросила унтер-офицер, выдёргивая форменную сорочку из юбки. — Я никому не говорила, а вот вы с её императорским высочеством были в Выборге. И стоило ей вернуться, как она приказала мне стать вашей любовницей. Как мне это понимать, ваше сиятельство?

В её голосе появилась неприкрытая злость, смешанная с подступающими слезами. При этом Воронина не переставала пытаться раздеться.

Так что мне пришлось прибегнуть к дару, чтобы повторить успокоительную операцию, которую я только утром проводил с Василием Алексеевичем. Движения унтер-офицера замедлились, и она опустила руки, прекратив попытки обнажиться передо мной.

— Давайте-ка мы с вами присядем и обо всём обстоятельно поговорим, Вера Дмитриевна, — предложил я, указывая девушке на свободное кресло. — Для начала я могу поклясться, что в Выборге действительно вспоминал о вашем телефоне, но мне и в голову бы не пришло обсуждать вас с кем бы то ни было. Я, может быть, и не настолько куртуазен, как может показаться, однако, как настоящий мужчина, я не обсуждаю женщин ни с кем.

Она чуть кивнула и плюхнулась в кресло с таким видом, как будто у неё отнялись ноги. Но я прекрасно видел, что это всего лишь последствие моего воздействия. Унтер-офицер медленно приходила в себя, успокаиваясь под влиянием гормонов, которые мне пришлось срочно перенастраивать.

— Анна Павловна — сестра куратора жандармерии, — уже ровным тоном произнесла Вера Дмитриевна. — Те, кто отказывал в её просьбах, вылетали со службы без возможности устроиться хоть куда-то. А потому я решила, что у меня нет выбора, отец бы не пережил, если бы узнал, что моя карьера загублена из-за такого...

Наверное, если бы не успокоительное воздействие моей магии, она бы сейчас смутилась. Однако я сделал так, что унтер-офицер сейчас по эмоциональной шкале находилась где-то на уровне плинтуса. И совершенно ничего не чувствовала.

— Однако я не нашла в себе сил промолчать и не высказать вам всё, что по этому поводу думаю, — закончила своё повествование Воронина. — Раньше я бы сама с вами познакомилась поближе, но теперь, когда это фактически стало моей обязанностью... Понимаете?

Я хмыкнул.

Ну, Анна Павловна, спасибо, удружила. Специально, что ли, чтобы я к Вере Дмитриевне на пушечный выстрел не подходил? А если бы у Ворониной не хватило смелости в лицо графу высказать за такие методы, я бы, получается, стал соучастником принуждения. Мать твою, какая мерзкая старушка. Правильно матушка про неё говорила, Анны Павловны стоит бояться даже больше, чем Екатерины Юрьевны.

— Во-первых, — положил ладони на столешницу я, — я ни в коем случае не стану вас ни к чему принуждать, кто бы и что бы там ни говорил. Во-вторых, я понятия не имел,

что её императорское высочество будет пытаться устроить мою личную жизнь. И честно вам скажу, Вера Дмитриевна, эта ситуация не добавляет мне ни хорошего настроения, ни желания с вами сближаться.

Она кивнула, её взгляд погас совсем, но девушка быстро взяла себя в руки.

— Вам, может быть, и неприятно, ваше сиятельство, а мне всё равно придётся это сделать. Я не могу лишиться карьеры из-за того, что осмелилась нарушить приказ её императорского высочества.

Я снова остановил её жестом и вытащил телефон.

— Не думал, что мне когда-либо придётся это сделать, но... — выбрав контакт, я дождался, когда абонент возьмёт трубку, и поздоровался. — Здравствуйте, Дарья Михайловна. Мне очень нужна ваша помощь.

Глава 4

— Конечно, что случилось? — настороженным тоном ответила наследница престола.

— Ваша тётушка воспользовалась своим положением, чтобы приставить ко мне унтер-офицера жандармерии, — пояснил я. — В качестве постельной грелки, Дарья Михайловна.

Из трубки раздался возмущённый вздох, как будто её императорское высочество была готова взорваться. Но я поспешил продолжить говорить, чтобы не дать наследнице престола сказать что-то такое, чего мне бы слышать было не положено.

— Девушка мне во всём призналась, — сообщил я. — И я чувствую себя оскорблённым. Дарья Михайловна, неужели я похож на мужчину, которому нужна помощь, чтобы обратиться на себя внимание красивой женщины? Может быть, я чего-то не понял, и это такой способ показать мне, что сила Долгоруковых настолько высока, что они могут унижить любого своего служащего, если пожелают?

— Я разберусь, Иван Владимирович, — сквозь зубы выдохнула обещание Дарья Михайловна. — Эта... девушка сейчас рядом с вами? Дайте ей трубку, пожалуйста.

Я протянул телефон Вере Дмитриевне, и та с некоторым трепетом взяла аппарат в руки.

— Унтер-офицер жандармерии Воронина, — представилась блондинка и практически тут же начала отвечать на вопросы наследницы престола. — Да. Нет. Ваше императорское высочество, да я бы никогда! Да. Нет.

Я мог бы подслушать, о чём они говорят, но какой в этом смысл? Мне кажется, я уже понял, зачем Анна Павловна всё это провернула. Великая княгиня достаточно меня изучила, прекрасно понимала, что я откажусь от такой сомнительной чести и тем самым покажу наследнице престола, что верен ей.

Извращённая логика? Ну, для Долгоруковых совершенно нормальная. Сейчас, конечно, Дарья Михайловна будет зла на тётушку, но они всё равно помирятся. Зато Анна Павловна сможет сказать: «Смотри, Дашенька, какой у тебя мальчик появился. Верность хранит, всё о тебе одной мечтает».

Это не мной манипулируют, я в этой схеме — так, проходное звено. Всё вертится вокруг будущей императрицы, и сделано ради её же блага.

Вера Дмитриевна тем временем вернула мне телефон и несколько секунд находилась в прострации. Ничего удивительного, как бы и о чём бы ни шёл разговор, а не каждый день человек её уровня получает возможность контактировать с наследницей престола.

— Итак, надеюсь, вопрос решён? — убирая телефон в карман, уточнил я.

— Да, ваше сиятельство, — ответила Воронина. — Про-

стите, могу я уйти?

Я кивнул, и она прихватила свою одежду, прежде чем покинуть кабинет. Мне же оставалось только ждать, когда появится заведующий. Едва дверь за унтер-офицером закрылась, я выбросил всю эту ситуацию из головы.

* * *

Кремль, личные покои великой княгини.

Дарья Михайловна ворвалась в гостиную, пылая настоящей яростью. Сжимая кулаки, она едва не накинулась на Анну Павловну, которая в это время совершенно спокойно пила чай.

— Тётушка, как ты могла?! — воскликнула наследница престола.

Долгорукова взглянула на племянницу с улыбкой.

— Потому что могу, Дашенька, — произнесла она. — Но тебе лучше уточнить, в чём конкретно ты меня обвиняешь. А то, знаешь ли, у меня столько дел, и я не совсем понимаю, чем ты недовольна.

Вспышка ярости будущей императрицы будто напоролась на стену. Дарья Михайловна выдохнула и продолжила уже спокойнее.

— Ты подослала к Ване какую-то девку из жандармерии! Чтобы она с ним спала!

Анна Павловна взглянула на племянницу, как на последнюю дурочку. Отставив чашку с чаем, великая княгиня указала на свободное кресло рядом с собой.

— Сядь, Даша, — велела она, и Дарья Михайловна медленно опустилась на сидение. — Ты хотела стать настоящей государыней? Тогда ты должна знать, что управлять людьми — это труд, который в том числе обязывает тебя заботиться о своих людях. Посмотри трезво на вещи, Иван Владимирович — мужчина молодой, ему нужна женщина. Чистая, достойная и заинтересованная в том, чтобы не предать тебя.

Дарья Михайловна набрала воздуха в грудь, чтобы возмутиться, но Анна Павловна не дала ей и слова вставить.

— Или ты хочешь прямо сейчас сама стать любовницей Корсакова? — уточнила великая княгиня. — Нет? Я так и думала. Пока Шереметевы дарят Корсаковым имение за твоё спасение, а Долгоруковы — достойный титул, ты продолжаешь вертеть юбками, играя в романтику. А парню нужна не романтика, а хороший качественный секс. Он мужчина, они так устроены. Если ты не даёшь ему то, что он хочет, он начнёт искать это на стороне. Ты хочешь такого исхода?

— Нет, — смущённо ответила Дарья Михайловна.

— У него были любовницы из простонародья. Я хотела подложить ему Осколкину, но мальчик отказался.

— Она была шлюхой!

— Она была сотрудницей Тайной канцелярии, которая исполняла свой служебный долг, так что прояви уважение. Чтобы ты знала, графиня Осколкина привела в наши сети больше вражеских шпионов, чем ты видела голых мужиков в фильмах для взрослых, — поправила Анна Павловна. — И

если бы у них с Корсаковым всё сложилось, мы бы одновременно и его держали в тёплой постельке, и верную сторонницу наградили молодым любовником. Но не случилось, что уж теперь. Графиня найдёт себе подходящего мужа, я уже отправила ей список одобренных кандидатов, так что Осколкина одинокой не останется. Что касается Корсакова, то подумай вот о чём, Дашенька. Он не может больше пользоваться своими вдовушками. Ему нужна любовница, как графу, из благородных, но бедных. И если ты не дашь ему таковую, обязательно даст кто-то другой. Шереметевы, Лопухины, Вяземские, кто угодно. Эта любовница станет настраивать Ивана против тебя. Не сразу, постепенно, но за год хорошо обученная любовница может сделать с мужчиной всё, что пожелает. А значит, твой человек перестанет быть таковым. Такой исход тебя устраивает?

— Нет, — тяжело вздохнула Дарья Михайловна.

Великая княгиня удовлетворённо кивнула. Её рука вновь потянулась к чашке.

— Власть, Дашенька, — проговорила она, подобрав печенье, которое тут же макнула в чай, — это в первую очередь долг. Перед страной, перед обществом, перед твоими сторонниками. По тебе будут судить о том, насколько ты щедра для своих людей. Как ты оплачиваешь им за их верность. Потому что эти люди жертвуют самым ценным, что у них есть — временем своей жизни ради тебя. Но если такие инвестиции не окупаются, кто станет хранить тебе верность?

Губы наследницы престола поджались.

— Я не могу это принять, — вздохнула она, сгорбившись в кресле. — Ты хочешь, чтобы я своими руками направила любимого мужчину в постель к другой?

— Такова цена власти, — равнодушно пожала плечами Анна Павловна. — Нужно было пользоваться моментом в Выборге, но ты у нас чистенький ангелочек, который смотрит на мир через розовые очки. Дай ты ему в Выборге, и Корсаков стал бы тебе вернее любого пса. Но ты не решилась, хотя вы оба взрослые люди, и все следы Ваня мог бы сам убрать. Но нет, ты решила, что вот здесь ты государыня, а в личной жизни обычная девица. Но так не бывает, Даша. Ты либо государыня, либо кукла на троне. Нет у правителя, если он настоящий правитель, никакой личной жизни. Прими это или брось все попытки стать самостоятельным монархом.

Некоторое время великая княгиня ела печенье, запивая чаем, пока чашка не опустела, и она не вернула её на блюдце.

— Как думаешь, почему Лопухин был уверен, что сможет отобрать у тебя власть, когда станет твоим супругом? — спросила Анна Павловна.

— Потому что из меня дерьмовая государыня, — вздохнула Дарья Михайловна.

— Ты хочешь, чтобы так и оставалось? — задала следующий вопрос великая княгиня. — Определись сейчас, раз и навсегда, кто ты и на что ты готова, чтобы стать той, кем хочешь. Мы не какая-нибудь мелкая страна, которую на кар-

те можно пальцем закрыть. Мы – Российская империя, и как только на твоей голове окажется корона, ты перестанешь быть моей племянницей, дочерью Шереметевых, или кем угодно ещё. Ты станешь её императорским величеством, Дарьей Михайловной, правительницей самой крупной и самой могущественной страны на Земле. И соответственно власти, которая окажется в твои руках, тебе придётся за неё платить. Больше, чем кому-либо на свете. Потому что настоящая государыня – это та, кто жертвует всю себя ради своей страны. Подумай, готова ли ты на такую жертву, или для тебя это всего лишь привычная игра, в которую ты играешь с детства, потому что родилась от нужной пары взрослых людей.

— Я поняла, тётушка, — ответила Дарья Михайловна.

Будущая императрица покинула покои великой княгини, и Анна Павловна тяжело вздохнула.

— Ну, будем надеяться, что это действительно так.

* * *

Ясенево, лечебница их сиятельств Корсаковых. Иван Владимирович Корсаков.

До самого вечера я проводил время за работой в лечебнице. Сначала мы общались с заведующим, а после вместе пошли смотреть пациентов.

Что можно сказать? Частное заведение на голову превосходило по своей технической оснащённости государственные госпитали. Теперь всё это содержать предстояло нам, но это как раз проблемой и не было – стоит только расползтись

сведениям, что лечебница отныне принадлежит целителям, от желающих заплатить за наше лечение не будет отбоя.

А пока я работал, ставя на ноги пациентов — одного за другим. Не было здесь действительно тяжёлых случаев, но и пустых коек не нашлось. Так что по объёму пациентов я не слишком отступал от служебного дня в корпусе. Хотя теперь я, разумеется, предупреждал о том, что я только младший ученик и люди могут отказаться от моего лечения.

И не получил ни одного отказа.

— Вы проделали огромную работу, ваше сиятельство, — сдержанно похвалил Марк Миронович. — За один день почти три десятка пациентов. Если так пойдёт и дальше, нам придётся закрывать корпуса и превращать их в залы ожидания.

Я улыбнулся в ответ на его шутку, но возражать не стал.

За окном уже давно сгустились сумерки, мы сидели в кабинете заведующего, потягивая свежий чай с мёдом, которым меня угостил Марк Миронович. Пообщавшись с ним, я понял, что человек действительно на своём месте, а потому, как и советовал Фёдор Викторович Шереметев, менять что-либо не требовалось.

Можно было не переживать и о том, что персонал лечебницы что-то сольёт на сторону. Мы целители, а не секретные агенты. Если и будут наши подчинённые рассказывать что-то о Корсаковых, то нам это никак не повредит. В конце концов, мы не в имении живём, чтобы вести здесь серьёзные

разговоры.

— Вряд ли в ближайшее время это будет возможно, — проговорил я. — У меня есть и другие обязанности. Но я постараюсь каждую неделю навещать вас, чтобы лечить всех, кто попадает в нашу лечебницу.

Заведующий кивнул.

— И мы будем благодарны за вашу помощь, ваше сиятельство, — сообщил Марк Миронович. — Но если у вас не получится вырваться, не переживайте. Мы достаточно обеспеченное заведение, чтобы наши пациенты получили лечение, либо дождались вашего визита. Как вы могли убедиться, у нас не хоспис, и умирающих пациентов практически не бывает. Основной контингент — это больные самыми базовыми заболеваниями. Сложные случаи стараются брать на себя государственные госпитали, которые специализируются именно на таком лечении.

Я кивнул.

— Я заметил, когда мы смотрели истории пациентов, — подтвердил я.

— В таком случае, если у вас больше не осталось вопросов, я бы хотел отправиться домой, ваше сиятельство, — совершенно спокойно предложил он. — Да и вам, полагаю, нужно отдохнуть.

Я не стал спорить или затягивать прощание. И так припозднился, хотя не рассчитывал так много времени проводить в лечебнице. Так что разошлись мы с Марком Мироно-

вичем на крыльце, заведующий поспешил к своему автомобилю, а я сел в машину с родовым гербом.

— Домой? — уточнил Семён, бросив на меня взгляд через зеркало заднего вида.

— Да.

Мы тронулись с места и успели выехать с территории, когда мой телефон завибрировал в кармане. Я уже не особо горел желанием заниматься чем-то, кроме заслуженного отдыха, общения с близкими и сна. Я ведь только этим утром исцелил Алексея Максимовича, а потом ещё и с пациентами работал. Опять же, выходка великой княгини заставила меня немного взбеситься.

Чувствовать себя мальчиком, которого можно подкладывать любой женщине по желанию Анны Павловны — такое себе удовольствие. Даже если бы вокруг было не сословное общество, я бы был возмущён. А с таким подходом великая княгиня и вовсе действовала крайне возмутительно.

Но, увидев, кто мне звонит, всё же ответил на вызов.

— Слушаю, ваше императорское высочество.

— Иван, я уладила вопрос с унтер-офицером, — сообщила Дарья Михайловна. — Но, полагаю, я должна поговорить с вами на эту тему лично. Не могли бы вы подъехать?

— Конечно, ваше императорское высочество. Куда именно?

— Я буду ждать вас в своём кабинете в Кремле. Вас проведут, как только приедете. До встречи.

Она положила трубку, и я кивнул охраннику, который наблюдал за мной и прекрасно понял, что ехать придётся по другому адресу.

— В Кремль, Семён, её императорское высочество вызывает, — сообщил я, параллельно открывая контакт матушки.

Конечно, я уже взрослый мальчик и мог бы сделать всё молча. Но зачем расстраивать мать, если можно написать сообщение и не портить отношения? Анастасии Александровне, несмотря на то что она глава рода, как и любой матери, будет спокойнее, если она будет знать, что я не за очередными приключениями отправился, а в Кремль.

Хотя, конечно, одно не отменяет другого.

* * *

Кремль, кабинет наследницы престола.

Дарья Михайловна бродила по помещению из угла в угол, не находя себе места от волнения. Гвардейцы были выставлены ей за дверь, и потому никто не видел, как переживает наследница престола.

Она сменила наряд и сейчас ходила по кабинету в лёгком сарафане, без украшений, исключительно с перстнем рода на пальце. Его она теребила, вращая из стороны в сторону, подбирая слова, которые должна сказать Ивану, но каждый раз терялась, не в силах выразить даже в мыслях ту дерзость, на которую собиралась решиться.

Тётушка и дядя были правы. Нужно было делать всё ещё в Выборге, а не ждать, когда всё усложнится. И хотя умом

будущая государыня понимала, что Долгоруковы старались удержать Корсакова верным правящему роду. Но она никак не могла смириться с мыслью, что её возлюбленный достанется какой-то другой женщине.

И тем более она не собиралась мириться с тем, что ей нужно это сделать самой. Одобрить выбор тётушки и тем самым отказать Ивану в помощи, о которой он просил. Какой же позор! Её мужчина был вынужден просить помощи в том, чтобы отказаться от навязанной любовницы, которой приказала великая княгиня, её, Дарьи, собственная, тётка!

В её голове предстал образ Вани. Уверенного и холодного молодого человека, который только на неё смотрел с теплом. Он не требовал ничего взамен, не торговался, был спокоен и собран. Он был самодостаточен и прекрасно знал, что не зависит ни от кого. И такой человек оказался вынужден просить её, девушку, которая от него без ума, о защите от великой княгини.

Раздался осторожный стук в дверь, и накрученная своими мыслями девица обернулась.

— Войдите.

Внутри заглянул гвардеец Долгоруковых. Окинув профессиональным взглядом помещение, он сообщил:

— Его сиятельство Корсаков доставлен, ваше императорское высочество.

В горле мгновенно пересохло, и подготовленные слова окончательно испарились из головы её императорского вы-

сочества.

Не в силах выдать ни слова от волнения, будущая государыня жестом велела запустить графа Корсакова. Не прошло и пары секунд, как он переступил порог, и Дарья Михайловна Долгорукова на секунду залюбовалась им.

— Ваше императорское высочество, — произнёс он, целуя протянутую руку. — Рад вас видеть.

Дверь закрылась, и этот звук заставил девицу вспомнить, ради чего она назначила эту позднюю встречу.

— Я тоже рада, Ваня, — выдохнула наследница престола, стремительно краснея от того, что ей придётся сейчас обсуждать с ним. — Прошу, садись.

По его взгляду было ясно, что ему нравится то, что он видит. Зелёные глаза безо всякой магии пленяли её взгляд. Спокойное, уверенное лицо, сильное тело, которое она прекрасно помнила с покушения на железной дороге...

Последняя мысль заставила её ещё сильнее смутиться.

Корсаков не стал садиться, конечно, дожидаясь, когда первой это сделает она. Эта подчёркнутая дистанция даже несколько раздражала. И Дарья Михайловна в очередной раз почувствовала, как нормы приличия мешают ей просто побыть собой. Как были прекрасны вечера в «Мидине», когда он открыто обнимал её! И как же ей не хватало этого ощущения его крепких рук на талии!

Всё же заняв кресло, не за столом, а для посетителей, наследница престола кивнула графу на такое же, развёрнутое

для диалога заранее. Корсаков плавно опустил на сидение и сложил руки на подлокотники.

Но слова не лезли, это была слишком смущающая тема, чтобы начинать разговор с неё. А потому будущая государыня решила зайти издалека.

— Моя тётушка не будет подсовывать тебе любовниц, Ваня, — объявила она самое главное. — Я поговорила с ней, и подобное больше не повторится. Я прошу у тебя прощения за то, что эта ситуация вообще произошла.

В глазах Ивана Владимировича мелькнула весёлая искорка.

— Признаться, ещё никогда я не был так счастлив услышать, что в моей жизни станет меньше женщин, — с улыбкой произнёс он. — Благодарю, ваше императорское высочество. Это многое для меня значит.

* * *

Иван Владимирович Корсаков.

Ну, собственно, главное я уже услышал, и можно было чуть расслабиться. А то великая княгиня с таким энтузиазмом стала подкладывать мне женщин, что я уже начал сомневаться в том, чего от меня на самом деле хотят Долгоруковы – то ли играть роль фаворита наследницы престола, то ли скорейшим образом создать прецедент, чтобы отдалить меня с гарантией.

Ведь не трудно догадаться, что любовница, которая скажет, что я всё это время спал с ней, покажет тем самым, что

мне нечего делать рядом с Дарьей Михайловной. Официально никто, разумеется, никому не изменяет, а стоит информации стать достоянием общественности, и такого благородного осудят непременно. И не важно, что все остальные тоже в штанах удержаться не могут, когда видят симпатичную девушку, главное — соблюдать приличия.

— Признаться, я устал бегать от любовниц, которых мне подкидывают ваши родственники, — проговорил я, вставая с кресла.

Коснувшись рукой её щеки, я провёл большим пальцем по нежной коже. Взгляд девушки мгновенно затянуло мечтательной пеленой.

Не говоря ни слова больше, я поцеловал её.

Глава 5

Я улыбнулся, прежде чем отстраниться.

Дарья ещё пребывала в собственных эмоциях, а дверь в кабинет уже открылась.

— Похоже, я чему-то помешала? — спросила Екатерина Юрьевна, окинув взглядом кабинет дочери. — Иван Владимирович, мне кажется, вам пора.

Я взглянул на неё, затем перевёл взгляд на Дарью Михайловну.

— Если её императорское величество приказывает, я подчиняюсь, — поклонившись, с вежливой улыбкой ответил я.

А вот наследница престола только после моих слов окончательно вернулась в реальность. Во взгляде, направленном на мать, было столько возмущения, что я бы не удивился, если бы она послала императрицу.

Но вместо этого Дарья Михайловна взяла себя в руки.

— Да, Иван, я обещаю, больше таких проблем у тебя не возникнет, — произнесла она, не сводя взгляда с матери.

Я же снова поклонился и совершенно спокойно покинул кабинет наследницы престола. За мной тут же увязался слуга Долгоруковых.

— Ваше сиятельство, прошу вас следовать за мной.

Спорить я не стал и пошёл туда, куда он меня вёл. За окном скоро полночь, человек не по своей прихоти для меня

проводящим оказался, значит, сейчас встречу с кем-то из великокняжеской семейки.

То, что нас обязательно прервут, я знал с самого начала. Это Кремль, тут каждый угол под наблюдением. Подозреваю, её императорскому величеству доложили о моём визите, стоило мне переступить порог крепости. А значит, она выбрала момент, когда мы не сможем перейти от поцелуев к чему-то большему.

Великая княгиня намеренно спровоцировала племянницу, чтобы та решилась на такой отчаянный шаг. А вот Железная Екатерина резко против. Возможно, потому, что дала слово моей матушке, или потому, что её просто бесит, как влияние на дочь уменьшается.

В любом случае я оказался между Долгоруковыми и Шереметевой. Меня это не раздражает даже, на самом деле. Я знал, на что шёл, когда согласился войти в ближний круг наследницы престола. Однако методы, которыми все эти венценосные особы решают проблемы, оставляют желать лучшего.

На ходу поправив манжеты, я остановился перед дверью с гербом Долгоруковых.

— Его императорское высочество ждёт вас, ваше сиятельство, — заглянув за створку, сообщил слуга, прежде чем распахнуть для меня проход. — Прошу вас.

Я кивнул и переступил порог. Что ж, посмотрим, чего хочет от меня великий князь.

Кремль, кабинет наследницы престола.

— Да ты с ума сошла?! — прошипела Екатерина Юрьевна, едва за Корсаковым закрылась дверь. — Совсем Долго-руковы тебе голову запудрили? Ты что же, решила, что можешь любовника вот так привести прямо в свой кабинет и отдаться ему на рабочем столе? О чём ты вообще думаешь?!

Дарья Михайловна откинулась на спинку кресла и опустила веки. Ей совершенно не хотелось сейчас спорить с матерью. Однако разговор давно назревал, и наследнице престола тоже было что сказать императрице.

— Если ты хочешь поговорить об ошибках, может быть, начнём вспоминать и о твоих делах? Например, о назначении деда главой Тайной канцелярии и к чему это нас привело?

Лицо Екатерины Юрьевны на миг застыло холодной маской.

— Не упоминай моего отца.

— А почему бы и нет? — пожала плечами Дарья Михайловна. — У нас же вечер откровений. Так почему не обсудить все назревшие вопросы. К примеру, ты знала, что никакого покушения на меня бы не состоялось, если бы Юрий Петрович не закрыл подготовку операции по экстрадиции координатора наёмников, которые атаковали поезд со мной?

Её императорское величество усмехнулась.

— Не эти, так другие, — ответила она. — Ты ещё слышишь?

ком молода и эмоциональна, чтобы понимать, как работает этот жестокий мир. Если бы отец подписал приказ о той операции, на тебя бы вышли другие наёмники. И ничего бы не поменялось, а так это хотя бы известное зло.

— Которое просочилось на территорию нашей страны, вооружилось и напало на поезд императорской семьи, — кивнула наследница престола. — Ты осознаёшь, насколько это паршиво для Российской империи?! Или ты настолько озабочена вопросом, как бы подстелить соломки, когда придётся отдать власть в мои руки, что тебе плевать на всё?

— Мне не плевать, Даша.

Глаза матери чуть блеснули, в них появились слёзы. Ещё не начавшие скатываться, но уже обозначившиеся.

— Мне никогда не было плевать, — произнесла императрица. — Ты — самое ценное, что у меня когда-либо было. Я плохая мать, да. Но я хотя бы сделала всё, чтобы обезопасить тебя, дать тебе возможность получить хотя бы каплю нормальной жизни. Или ты считаешь, Корсакова к тебе Долгоруковы подвели?

Дарья Михайловна тряхнула головой.

— А ещё я пообещала его матери, что не буду втягивать его в наши с Долгоруковыми проблемы. И посмотри, что произошло, твоя дражайшая тётушка изо всех сил пытается прикрыть Корсаковым дыры. Сначала пыталась подложить его под графиню Осколкину, а когда не получилось, она унизила Ворониных, верных слуг Российской империи, прика-

зав унтер-офицеру жандармерии лечь под графа Корсакова. Ты только вдумайся, Даша, великая княгиня, которая не имеет никаких прав приказывать жандармерии, отдаёт приказы сотруднику ведомства. Что ещё Долгоруковы сделают, чтобы добиться своих целей? Ты ведь понимаешь, что их цель — всего лишь удержать престол, и им плевать на то, что будет с Российской империей?

Будущая государыня усмехнулась.

— Ты обещала убрать Ивана Владимировича из моей свиты? — уточнила она.

— Нет, я обещала, что он больше не будет целью наших интриг.

— А до этого ты обещала оградить его сестру от опасности, и её тут же похитили, — кивнула Дарья Михайловна. — Возможно, я сейчас предположу крамолу, но не ты ли виновата в том, что твоя единственная соперница за сердце отца вдруг влюбилась в проходимца и была вынуждена распродавать имущество, чтобы покрыть его долги?

Её императорское величество вновь замерла, и крохотная слезинка скатилась по её щеке. Глядя в лицо матери, наследница престола прикрыла лицо рукой.

— Поверить не могу, мама! — вскакивая со своего кресла, воскликнула она. — Да чем ты лучше Долгоруковых?! Ты же уничтожила собственную подругу только ради того, чтобы самой сесть на трон! И тебе хватает наглости после этого читать мне мораль? Да я прямо сейчас поеду к Корсаковым и

отдамся Ивану на пороге его дома. И ты ничего не сможешь мне сказать. Потому что у тебя слишком много грехов за душой, чтобы хоть кого-то осуждать. Поверить не могу! Она же была твоей ближайшей подругой!

Не дожидаясь ответа государыни, её императорское высочество выметнулась из кабинета и захлопнула дверь. Несколько секунд она тяжело дышала, приходя в себя.

Про Корсакова, разумеется, она сказала для красного словца, и никуда Дарья Михайловна ехать не станет. Однако откровение, которое ей открылось в этом разговоре, окончательно уничтожило идеальный образ матери.

Екатерина Юрьевна Шереметева больше не могла быть для неё примером, как раньше. Образ Железной императрицы окончательно проржавел в глазах наследницы престола.

* * *

Личные покои великого князя. Иван Владимирович Корсаков.

— Ваше императорское высочество, — положенным поклоном поприветствовал члена правящего рода я, — добрый вечер.

Виктор Павлович кивнул мне, совершенно спокойно наполняя бокал коньяком. Указав мне на свободное кресло, он сам опустился напротив и закинул ногу на ногу. Дождавшись, когда он устроится, занял предложенное место и я.

— Я не буду задерживать тебя надолго, граф, — проговорил великий князь. — Как ты понимаешь, дело, которое мы

когда-то с тобой организовали, требует пересмотра наших соглашений.

Я, не скрываясь, вздохнул с облегчением.

— Смотрю, ты уже устал участвовать в этом спектакле, — коротко посмеялся Виктор Павлович, прежде чем сделать глоток. — С твоей матушкой я уже говорил об открывающихся для вашего рода перспективах. Она, конечно, пыталась мне возражать — мягко, как всегда. Но всё, что мы сейчас с тобой обсудим, будешь решать именно ты. Таково желание Анастасии Александровны, и я с ним полностью согласен. Ты уже не ребёнок, кое-чего повидал, немного разобрался в том, как устроена реальная жизнь при дворе, и можешь принять решение осознанно.

Вступление показалось мне достаточно любопытным, так что я кивнул, не спеша отвечать.

Матушка, конечно, обсуждала со мной многое, но именно эту тему я сам отстаивал, повторяя, что ей не стоит переживать, так как я самостоятельно разберусь. Сейчас мы уже получили титул, имение к нему, Корсаковы вернули себе очень много собственности. Не говоря о том, что Ростовы вернули нам не только старое имущество, но и все доходы, которые были получены с этого имущества.

Стоило ли оно того? С моей точки зрения — да.

Ведь, по сути, мне от правящего рода достались одни только пряники. Пара сражений — не в счёт, дворянин всегда должен быть готов отстаивать интересы своей семьи и страны.

Иначе какой он, к чёрту, дворянин?

— Моя сестра, конечно, использует достаточно сомнительные методы, — заговорил великий князь, когда бокал показал дно. — Будь добр, налей ещё, не хочу вставать.

Я легко поднялся и, добравшись до бара, плеснул на два пальца из той же бутылки, которую Виктор Павлович начал прямо перед моим приходом. Вернувшись с бокалом к нему, я опустил на сидение.

— Но главное, что цель, которую она поставила, достигнута, — продолжил его императорское высочество. — Дашка от тебя без ума и готова на всё, чтобы добиться своего. Думаешь, если бы сейчас императрица не вошла, вы бы закончили поцелуйчиками, как в Выборге?

— Я не думаю, что я подходящая пара для её императорского высочества, — возразил я. — Одно дело первая любовь, объятия и поцелуи, и совсем другое...

Он махнул рукой, прерывая меня.

— А вот и зря ты, граф, так размышляешь, — заявил великий князь. — Знаешь, чего на самом деле хочет моя племянница?

— Полагаю, что немного понимаю, — ответил я.

— Ничего-то ты не понимаешь, — покачал головой мой собеседник. — Она хочет, чтобы ты стал её мужем, консортом при императрице.

Ну, сказать, что новость меня ошеломила — это сильное преувеличение. Дарья Михайловна сейчас окрылена влюб-

лённостью. Однако супруг императрицы — это очень серьёзная позиция, и решать вот так, походя, подобный вопрос нельзя. Это же политика.

— Я не думаю, что это возможно, — озвучил своё мнение я.

Великий князь залпом осушил бокал и протянул его мне.

— Почему же? — спросил он, когда я поднялся, чтобы налить ещё. — Когда ты был нищим дворянином, конечно, имелись препятствия. С другой стороны, ты всё равно обладал достоинствами. Целитель, место своё знаешь. А ещё у тебя нет никакого влияния и союзников.

Я не ответил, наливая в бокал коньяк.

— Теперь ты себя проявил, стал за это графом, — продолжил великий князь. — Уже не такая дурная партия для будущей государыни. К тому же наследница престола в тебе влюблена по уши. Да и со мной ты вроде как нашёл общий язык, и даже сестре моей понравился. Так что считай, что согласие со стороны Долгоруковых у тебя в кармане.

Я вернулся с бокалом и вручил его Виктору Павловичу.

— И я предлагаю тебе подумать и решить, готов ли ты превратить свою временную роль в постоянную? — задал вопрос великий князь. — Не стану скрывать, если ты согласишься, род Корсаковых ждёт стремительный взлёт на самый верх, как это обычно и бывает, когда кто-то из менее престижной семьи заключает брак с правящим родом. Многие современные рода поднялись именно за счёт близости к цар-

ской семье.

— Звучит слишком сладко, чтобы не заподозрить подвоха, — ответил я. — К тому же я будущий глава рода Корсаковых. Как вы предполагаете, мне придётся жить одновременно на две семьи?

— Ну, — пожал плечами великий князь, — Анастасия Александровна ещё много лет будет способна родить новых сыновей. Ты ведь об этом знаешь, да?

Такой подход мне не нравился, и Виктор Павлович усмехнулся, глядя на моё лицо.

— Но это, конечно, запасной вариант. Я же могу предложить и другой расклад – твоя мать станет моей женой, и дети от этого брака будут исключительно Корсаковыми. Без права наследовать фамилию Долгоруковых. Как мы недавно убедились, иное ведёт к попыткам переворота.

Я кивнул.

— А вы так уверены, что матушка согласится выходить за вас замуж? — спросил я.

— Ну, когда она была претенденткой в императрицы, — чуть отведя взгляд, проговорил он, — только наличие у меня семьи не позволило отбить твою матушку у Михаила Константиновича. Это сейчас мои дети выросли, а супруга умерла. Настя тоже вдова, у неё тоже взрослые дети. Почему бы нам обоим не пожить для себя оставшиеся годы?

Очень интересный поворот. Кажется, матушка была ещё большей сердцеедкой, чем я прежде о ней думал. Впрочем,

это не отменяет того факта, что великому князю ещё придётся добиваться её руки. Хотя...

Если я действительно соглашусь на брак с Дарьей Михайловной, у Корсаковых не останется выбора. Сама матушка слишком молода, чтобы не выйти замуж второй раз. И детей ей действительно можно рожать ещё с десяток без вреда для здоровья — мы же недавно это всё с ней обсуждали.

— Это всё, конечно, прекрасно, — вздохнул я, не спеша садиться обратно в кресло. — Но что с нами будет, когда первая влюблённость её императорского высочества пройдёт, и она перестанет быть так одержима мной? Как нам обоим после этого жить, или вы хотите сказать, что мне позволят разойтись с её императорским величеством через развод? Государи разводятся только через монастырь, либо через плаху. Так куда мне, по-вашему, к умным или красивым?

Виктор Павлович улыбнулся. Разговор доставлял ему удовольствие. Впрочем, и для меня возможность поговорить прямо с пауком, который и сплёл всю эту паутину, тоже полезна. Терпеть не могу интриги, а здесь можно честно задавать вопросы и получить ответы. Не факт, что мнение Долгорукова после этого не может измениться, но хотя бы в моменте я способен понять его мотивы.

— А кто сказал, что вы прямо сейчас под венец пойдёте? — спросил он. — Нет уж, граф, ты так не спеши. Одно дело, если вы переспите, это понятно, и Долгоруковы полностью одобряют. Дашке пора, наконец, добиться маленького успе-

ха на этом поприще. И восстановить её после вашего возможного разрыва сможет любой целитель, достаточно будет только пообещать награду или повышение в должности.

Меня корбило такое отношение к Дарье Михайловне. Но я прекрасно понимал, что Виктор Павлович не тот человек, который будет сюсюкаться и пылинки с будущей государыни сдувать. Великий князь десятилетиями курирует жандармерию и просто по определению не может быть добрым ангелочком.

— Мне нужно от тебя принципиальное согласие, Ваня, — выдохнул Долгоруков, после чего махнул весь коньяк из бокала. — Потому что, если ты не согласен, сейчас будет самое время для того, чтобы развести вас в разные стороны. Корсаковы отдельно, Кремль отдельно. Я уже возвысил вас, вернул имущество. Ты продолжишь служить в корпусе целителей под руководством своей матери. А мы будем искать другие варианты для супруга наследницы престола. Главное же — никто вас не тронет и наказывать не станет. Дашка, конечно, какое-то время будет переживать, волноваться, но реальной власти у неё ещё нет, и хоть как-то навредить вам я ей в любом случае не позволю. Потом, когда пройдут годы, племянница к тому времени станет её императорским величеством и забудет о плохом, что между вами случилось. И будет, как все люди, вспоминать былое исключительно в приятном ключе.

Что ж, довольно трезвый взгляд на вещи. Если мы дове-

ряем Виктору Павловичу настолько, чтобы верить, что великий князь сдержит слово и действительно разведёт нас с Дарьей Михайловной в разные стороны.

— Подумай, — поставив бокал на подлокотник, кивнул мне его императорское высочество. — Срочного ответа я от тебя не требую. Поговори с матерью, подумай сам. И прими какое-то решение, пока всё не зашло слишком далеко. От себя скажу, что для Российской империи ты был бы прекрасным супругом для её императорского величества.

— Я подумаю.

— У тебя есть неделя, — сказал великий князь, взглядом указывая на дверь.

Из личных покоев Виктора Павловича я вышел задумчивым. Как жаль, что ему нельзя верить.

Глава 6

До самого дома я проехал, не проронив ни звука. Отбивая ногой ритм в такт негромкой музыке, льющейся из динамиков, я даже не мог бы сказать, что у меня были какие-то мысли.

Виктор Павлович выдвинул чертовски соблазнительное предложение. Ведь даже консорт, который официально власти не имеет, на самом деле способен натворить дел. Особенно если он хороший любовник, а я смею считать себя таким. Ещё классики заметили – женщины с прекрасной половой жизнью счастливее тех, кому такого удовольствия не доставляют.

Шереметевы служат прекрасным примером из недавних, как род, который хоть и древний, но всё-таки не хватал звёзд с неба, резко поднялся. И Корсаковы могут сделать почти также, нас просто намного меньше, и мы при всём желании не подгрёбём под себя столько предприятий и активов, сколько сумели подчинить родственники Железной Екатерины.

Достаточно ли Анастасия Александровна сделала для меня в новой жизни, чтобы я посветил свою жизнь возвеличению Корсаковых на самом верху? Учитывая, что я сам стану далеко не последним человеком в самой большой стране мира, у меня будет очень красивая жена, которую я сам хо-

чу, согласие с моей стороны нужно было давать прямо в кабинете великого князя.

Я посмотрел на собственные ногти и щёлкнул пальцами. Магическое пламя разлетелось зелёными и фиолетовыми искрами вперемишку. Эта иллюминация позволяла напомнить самому себе, о том, как я собирался прожить эту жизнь.

Я не забыл, на что хотел потратить свой второй шанс. Но выбирал я тогда из имеющихся вариантов, и не мог всерьёз рассчитывать на то, что у меня появятся более широкие возможности. У меня был далеко не лучший, но и не худший старт, и я планировал выжать из него всё, что смогу, чтобы прожить достойную жизнь.

Теперь появился соблазн стать не просто известным целителем. Возвести свой род на пьедестал, влиять на всю страну. Даже не влезая в политику и придворную суету супруг правителя – это такая сила, которая может ломать об колено всех, кого пожелает. Человека, роды, коррумпированную систему.

Но... Оно мне действительно надо?

— Подъезжаем, Иван Владимирович, — обратился ко мне Семён, не отрываясь от дороги.

— Спасибо.

Ещё предстоял разговор с матерью. Я, может быть, и выбил у неё разрешение принимать решения самостоятельно, но брак с наследницей престола – это не выбор, куда на службу податься. Мой выбор повлияет на всех Корсаковых, из-

менит не только их положение, суммы на счетах, но и саму судьбу.

Ведь они тоже находятся в том состоянии, что и я при перерождении. Средний род, не сильный, не слабый, просто маленький незаметный. Теперь мы стали графами, но можем шагнуть дальше. Независимо от моего желания, если я соглашусь, и матушка, и сестра автоматически перестают быть массовой Российской империи. А там и дальняя родня, которая когда-то была связана с Корсаковыми кровью, подтянется, чтобы урвать сочный кусок мяса.

Автомобиль остановился у крыльца, и Семён вышел первым. Пока он обходил машину, я заметил, что окно в кабинете матушки горит. Анастасия Александровна ждала меня с результатами визита в Кремль.

А значит, вечер откровений продолжается. И на этот раз нам придётся обсуждать всё открыто.

Дверь с моей стороны открылась, и Семён встал так, чтобы прикрыть своим телом меня от возможной угрозы. Я не стал задерживаться, хотя голова гудела, как всегда от напряжённых решений, переворачивающих не столько твою жизнь, сколько жизни людей, которые от тебя зависят.

Выбравшись наружу, я втянул ночной воздух в лёгкие, и сразу же почувствовал, что погода меняется. Лето приближается к концу, ещё достаточно тепло, но Москва не Сочи, тут климат совершенно иной. И ещё стало ясно, что я взвинчен – такая чуткость следствие напряжения дара. Моя соб-

ственная сила мобилизовалась, поддерживая от возможной угрозы. Не осознанное действие, но некое напряжение всё же есть.

Наверное, это был второй раз, когда я действительно волновался в этом мире. Впервые, когда Миронов похитил Катьку, теперь вот, когда мне открыто предложили брак с наследницей престола.

Поднявшись по крыльцу, я вручил собственный китель слуге, и быстро поднялся по лестнице. Свет из кабинета матушки проникал в коридор — створка была прикрыта неплотно. Сделав последний вздох, я вошёл внутрь, и закрыл за собой до щелчка.

Анастасия Александровна сидела за столом с бокалом грейпфрутового сока в руках. Её взгляд был направлен на полки с книгами, но она сейчас ничего перед собой не видела, погружённая в собственные мысли.

— Доброй ночи, — поздоровался я, прежде чем сесть в гостевое кресло. — Как ты?

Матушка повернула голову ко мне и, отставив бокал, кивнула.

— Осваиваюсь, — односложно ответила она. — Для чего тебя позвали в Кремль?

Я потёр подбородок, прежде чем приступить к рассказу.

— Ну, для начала, когда я приехал в лечебницу, там меня ждала унтер-офицер жандармерии. Заведующего не было на месте, потому мы заняли его кабинет. Там она рассказала,

что великая княгиня Анна Павловна в приказном порядке велела ей стать моей любовницей.

— Что?! — возмущённо переспросила матушка.

— Именно так, ты не ослышалась, — подтвердил я. — Это уже не первый раз, когда её императорское высочество пытается подложить меня в постель к молодой и красивой женщине. В Выборге это была графиня Осколкина, теперь вот Вера Дмитриевна Воронина.

Несколько секунд я позволил матери осмыслить сказанное. Она была в бешенстве, и для этого мне даже не требовалось прибегать к дару. Но долго это не продлилось, Анастасия Александровна не первый день глава рода Корсаковых, ей многое довелось повидать и прожить. Так что она взяла себя в руки довольно быстро.

— Я позвонил Дарье Михайловне, рассказал ситуацию, — когда она относительно успокоилась, продолжил я. — Получил от Дарьи Михайловны заверение, что она разберётся. Затем был совершенно обычный день, кстати, Марк Минович показал себя хорошим специалистом.

Матушка машинально кивнула.

— Я тоже обратила на это внимание.

— А потом, когда я уже ехал домой, как ты знаешь, меня вызвали в Кремль. Позвонила Дарья Михайловна, и предложила приехать. Я вошёл в её кабинет, получил заверение в том, что посягательств на мою личную жизнь не состоится. Потом явилась государыня и выставила меня из кабинета на-

следницы престола.

Матушка хмыкнула.

— Почему?

— Может быть, потому что я целовал её дочь? — сделав вид, что действительно строю предположения я. — Впрочем, дальше у нас всё равно бы ничего не зашло. Я же не идиот поступать так в Кремле.

Анастасия Александровна смотрела на меня пристально несколько долгих секунд, после чего тяжело вздохнула.

— Она тебе нравится.

— Честно? Да, — подтвердил я. — Она умная, красивая, для своего возраста – прекрасная девица. Не будь она при этом наследницей престола, я бы, возможно, уже делал ей предложение. Во всяком случае, Дарья Михайловна бы точно возглавляла список кандидатов.

Матушка покачала головой с неодобрением. Я молчал, давая ей возможность уложить информацию в голове.

— Что-то случилось ещё? — спросила она.

— Да, — кивнул я, и продолжил после паузы: — Как только я оказался за дверью, меня тут же подвели к великому князю. И он предложил мне места консорта.

Пальцы старшей Корсаковой сжались на ножке бокала. Ещё бы чуть-чуть, и она сломала бы фужер, но удержалась.

— А ещё великий князь сказал мне, что если бы не был женат, он бы отбил тебя у Михаила Константиновича. И предложил, как вариант, чтобы Корсаковы не угасли, взять

тебя в жёны с тем, чтобы все ваши общие дети получили только нашу фамилию без права претендовать на принадлежность к Долгоруковым.

По мере того, как я говорил, внимательно наблюдая за матушкой, я всё сильнее убеждался, что его императорское высочество ничуть не приукрашивал. Что-то действительно в то время между ними такое было, что могло бы перерасти в брак, если бы великий князь уже не был женат.

— Ещё он дал мне неделю подумать, — сказал я. — Если я соглашусь, Корсаковы взлетят на самый верх, как до этого взлетали другие семьи, породнившиеся с правящей семьёй. В случае отказа от меня отстанут, ты останешься главой корпуса целителей, а я — младшим учеником.

Матушка вздохнула с облегчением. Кажется, сегодняшний вечер принёс ей ничуть не меньше волнений, чем тот, когда похитили мою сестру. Во всяком случае я видел, что она действительно переживает.

— Откажись, — подняв на меня взгляд, выдохнула Анастасия Александровна. — Мы и так уже получили многое. Нужно вовремя остановиться, Ваня. Мы не умираем с голоду, нам нет никакого резона лезть к трону. Пусть этим занимаются другие люди, те, кому этого хочется...

Я покачал головой.

— В тебе говорит та девица, которая намеревалась стать императрицей, и влюбила в себя его двоюродного брата, но больно ударилась о чужие интриги, — проговорил я. — Я по-

нимаю и не преуменьшаю твою боль, мам, но так жить нельзя. Ты не можешь вечно бояться, что если ты высунешься чуть дальше скорлупы, и тебе обязательно надают по носу острым топором.

На миг в её глазах мелькнула такая ярость, что мне показалось, она готова кричать на меня. Много раз я видел ма-тушку в истовом гневе, но это был первый раз, когда она так смотрела на меня.

— Ты никогда не был обычным мальчиком, — со вздохом признала она. — С детства слишком спокойный и серьёзный. Ты даже в школе друзей не завёл, и если в детстве я думала, что ты не понимаешь чужие чувства, теперь, кажется, при-шло время осознать, что ты их понимаешь, но не ощущаешь сам. Может быть, это проклятие твоего дара, как я и опасалась?

Вопрос был риторическим.

Но говорить: «на самом деле, маменька, ваш сын просто помнит прошлую жизнь, в которой он был лицом, принимающим решения», было бы крайне глупо.

Однако я вырос в этом мире, а потому знаю: любой другой житель этой планеты на предложение великого князя отве-тил бы согласием. Потому что личность не так важна, важен род.

И если одному из членов благородного рода нужно стать мужем будущей правительницы страны, чтобы свой род воз-величить, тут и обсуждать нечего. Даже если эта самая пра-

вительница хромая, косая и больна сифилисом в тяжелой форме. Благо для рода всегда имеет высший приоритет.

— Я понимаю, мам, — кивнул я. — И твои тревоги обо мне, и даже тот факт, что вложенное тебе в голову влияние до сих пор не прошло.

— Мне не нравится этот разговор, — жёстко произнесла глава рода.

— Ты влюбилась в отца под чужим контролем, лишилась возможности самой прорваться к трону. И теперь отговариваешь нас с сестрой пытаться взять ответственность за наши жизни в собственные руки и иметь амбиции, за которые тебя наказали, — ответил я. — Это и есть истинная причина, по которой ты легко согласилась не обучать Катю. Потому что сильный универсальный маг способен добиться многого, если он не дурак. А дочь, которая не желает развивать дар, унаследованный от сбежавшего отца, никогда не займёт высокое положение в обществе, ведь мы не можем позволить себе богатое приданое.

— Замолчи! — всё же выкрикнула она, вскакивая из-за стола.

Опрокинутый ею бокал рухнул на пол и покатился по ковру, разливая сок. Я остался сидеть с совершенно спокойным лицом. У меня никогда не было подросткового бунта в этом мире, и, наверное, зря. Потому что теперь сцена выглядела не слишком приглядной.

— По этой же причине ты отказала графу Никитину? —

уточнил я. — Ты напугана и боишься, что всё, через что ты прошла, теперь случится с нами. А брак с графом — это ведь тоже возвышение.

Анастасия Александровна закрыла лицо рукой и тяжело вздохнула.

— Да, Ваня, я боюсь, — признала она, отвернувшись к окну. — Боюсь, что вы попадёте в ту же ловушку, что и я. Когда я была твоей ровесницей, я считала, что у меня есть перспективы, что я смогу стать кем-то значимым. Большим, чем просто девица из рода прославленных целителей. Но придворная жизнь показала, что мне там не место.

Я улыбнулся, хоть она этого и не видела.

— Можешь больше не бояться, — проговорил я. — Во времена прадеда Корсаковы были большим и влиятельным семейством. Богатым и способным позволить себе всё, что пожелают. Я намерен добиться того же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.